

МИР РЕГИОНОВ: АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

В. В. Воротников, А. Д. Чеков, У. В. Якутова

ПРОЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ: НАСЛЕДИЕ МЕЖВОЕННОЙ ЭПОХИ И СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА*

Владислав Владиславович Воротников,
канд. ист. наук, доцент Кафедры истории и политики
стран Европы и Америки, ст. науч. сотр.
Центра европейских исследований Института
международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Института Европы РАН.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Александр Дмитриевич Чеков,
преп. Кафедры международных отношений
и внешней политики России, науч. сотр.
Центра европейских исследований Института
международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Ульяна Вячеславовна Якутова,
эксперт Центра европейских исследований
Института международных исследований
МГИМО МИД России.
E-mail: uliana.postnikova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической ретроспективы и современной динамики регионального строительства в Балтийском регионе. Культурно-исторический фундамент процессов регионализации в этом ареале закладывался на протяжении столетий, хотя рамки сотрудничества были сформированы уже в XX веке: Ганзейский союз, первые попытки создания общерегиональных союзов в межвоенный период, «северное сотрудничество» и подписание Хельсинкской конвенции в годы «холодной войны». В постбиполярный период Балтийский регион продолжает сохранять свою политическую и социально-экономическую неоднородность. Сегодня ключевым институтом многостороннего сотрудничества, объединяющим все страны региона, является Совет государств Балтийского моря, тогда как с точки зрения Брюсселя основным и самодостаточным инструментом регионализации является Стратегия ЕС для региона Балтийского моря. Вместе с тем оба формата опираются в конкретной реализации проектов на «горизонтальные действия» и сетевое сотрудничество низовых исполнителей, что делает региональное взаимодействие максимально практико-ориентированным, в значительной мере деполитизированным и в долгосрочной перспективе стабильным.

* Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук. Авторы также благодарят за помощь в подборе материала студентку магистратуры МГИМО МИД России П. В. Лоллину.

Ключевые слова: Балтийский регион, Ганзейский союз, регионализация, Совет государств Балтийского моря, СГБМ, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря.

Регион Балтийского моря (РБМ) традиционно рассматривается как особый регион в рамках Европейского союза и всего евроатлантического пространства. Во-первых, в силу различной институциональной принадлежности относящихся к нему государств и наличия ключевого для происходящих в его рамках процессов, однако внеинституционального игрока – Российской Федерации. Во-вторых, из-за специфики исторического развития и совершенно особого характера интеграционных процессов, который вряд ли будет затронут даже в случае начала дезинтеграции ЕС – речь идет о десятках (а возможно, и сотнях) сетевых механизмов взаимодействия региональных акторов, действующих под зонтиком Совета государств Балтийского моря и в рамках европейской макрорегиональной стратегии. Поэтому на протяжении последних десятилетий внутрирегиональное взаимодействие носило исключительно мирный, определяющийся стратегией долгосрочного устойчивого развития характер. Вместе с тем процессы регионального строительства на пространстве Балтийского региона имеют многовековую традицию, начало которой было положено еще в Средневековье и Новое время, когда сформировался и в течение нескольких веков успешно функционировал Ганзейский союз.

ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ: У ИСТОКОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Созданная в XII веке как купеческое объединение («Ганза купцов», «Kaufmannshanse») с целью обеспечения безопасности торговли и расширения экономических контактов Ганза постепенно превратилась в союз городов («Ганза городов», «Städtehanse»), долгие десятилетия демонстрировавший эффективность политико-правовой альтернативы традиционным политиям той эпохи: большинство городов, входивших в него были самоуправляющимися торговыми республиками.

В состав Ганзейского союза в разные периоды входило до 170 городов, однако торговые сети ганзейского купечества охватывали несколько тысяч населённых пунктов. Ганзейскими были города большинства стран, относящихся сегодня к региону Балтийского моря. Закрыв гавани своих портов для кораблей из городов/стран, не входящих в союз, ганзейцы (в первую очередь представители германских и шведских городов) удерживали первенство в региональной торговле, сведя в XIV веке – начале XV века, которые считаются «золотым веком» союза, присутствие русских, английских и голландских купцов в Балтийском и Северном морях к минимуму. Немецкий военный историк А. Штенцель в начале XX века отмечал: «Ганза властвовала от Невы до Нидерландов над морем и над торговлей» [4, с. 492].

Обладая исключительной экономической мощью, Ганзейский союз располагал также всеми возможностями для проецирования политического влияния – имел собственные армию и флот, вёл успешные войны (к примеру, итогом войны Ганзы с Данией 1367–1370 гг. был крайне невыгодный для последней Штральзундский мир), осуществлял дипломатические миссии. Так, в 1298 г. был заключен договор между Ганзой и Великим княжеством Литовским и Русским, а в период нахождения на престоле великого князя Гедиминаса (1316–1341 гг.) Рига и германские ганзейские города выполняли важную посредническую миссию между папским престолом и Литвой.

К XVII веку Ганзейский союз значительно ослабел под влиянием внутренних противоречий и переноса основных маршрутов международной торговли в Атлантический, а затем и в Тихий океаны. Кроме того, по берегам Балтийского моря возникли новые мощные государственные образования, которые больше не нуждались в посредничестве ганзейских купцов. Съезд 1699 г. стал последним в истории Ганзейского союза. Однако, как отмечают исследователи, «исторический след, оставленный этим международным негосударственным союзом, значим до сих пор: “Он стимулировал развитие сельского хозяйства, текстильной, горнодобывающей промышленности, а главное, он расширял коммуникации, создавал свою предпринимательскую культуру, стимулировал бурное развитие городов, науки и просвещения”» [1].

Так или иначе, именно Ганзейский союз заложил основы для той специфической, обособленной от системного (военно)-политического воздействия внешних акторов подсистемы международных отношений, которая сложилась в регионе Балтийского моря к началу XX века.

Уже с XVII века в основу международно-правовой практики, применявшейся прибрежными балтийскими странами к договорам, касавшимся региона (в т. ч. датско-шведскому 1658 г., русско-шведскому 1759 г., конвенциям 1780 и 1800 гг. о вооруженном нейтралитете и др.), легла концепция «закрытого моря». Первым же многосторонним документом, которым прибрежные балтийские государства попытались зафиксировать баланс сил в регионе («теперешний территориальный порядок вещей»), стала подписанная 10/23 апреля 1908 г. четырьмя государствами — Германией, Данией, Россией и Швецией — Петербургская декларация по балтийскому вопросу.

НАСЛЕДИЕ «КОРОТКОГО» XX ВЕКА

Ключевым последствием Первой мировой войны для региона Балтийского моря стало переформатирование его политической карты. Если в начале XX века прибрежными были лишь четыре государства (причем из примерно 8 тыс. км побережья Российской империи принадлежали 44 %, Германской империи — 31 %, Швеции — 21 %, Дании — 4 % [11]), то к началу 1920-х гг. — уже девять, то есть, помимо Германии, Дании, России и Швеции, также Литва, Латвия, Польша, Финляндия и Эстония. Тогда же возникли и территориальные споры, некоторые из которых осложняют политическое взаимодействие государств региона и по сей день: принадлежность Аландских островов и острова Гогланд; Виленский и Клайпедский (Мемельский) вопросы; проблема определения восточных границ Финляндии, стран Балтии и Польши.

Выход на международно-политическую арену большого количества новых государств неизбежно влекло к изменению модели международных отношений, предполагавшей теперь необходимость взаимодействия великих держав с малыми странами. Причем именно последние (в первую очередь Латвия, Литва и Эстония), ощущая внешнеполитическую нестабильность своего положения, выступили с первыми предложениями (их было выдвинуто не менее 20; касались же они в основном государств восточно-балтийского побережья) институционализации регионального сотрудничества — создания единого Литовско-Латышского государства; конфедерации Латвии, Литвы и Эстонии; союза Эстонии и Финляндии; федерации, а также военных союзов с участием трех прибалтийских и других стран региона (скандинавских государств, Финляндии, Польши и даже Белоруссии) в разных конфигурациях. Авторами проектов были не только политические деятели и представители действующей власти, но также ученые. Как учреждения власти, так и просвещенные элиты общества сознавали необходимость более тесного взаимодействия государств региона в целях усиления собственной безопасности и укрепления геополитических позиций, а также использования и развития экономического потенциала. Однако именно экономическая составляющая подобных проектов оставалась тогда на втором плане, что и предопределило их судьбу: эти договоренности в основном остались только на бумаге¹.

Одним из наиболее интересных и амбициозных проектов, интеллектуально предвосхитивших процессы регионализации конца XX века, стала концепция Балтоскандии (или Балтоскандинавской конфедерации), предложенная шведским географом С. Де Гером и развитая его литовским и эстонским коллегами — географами К. Пакштасом и Э. Кантом. Этот проект предполагал первоначальное развитие культурного, экономического и политического сотрудничества семи государств региона, а затем их объединения в соответствии с одним из двух сценариев: или ассоциация государств и создание общего совещательного органа (Комитета Балтоскандии), или полноценная конфедерация с принятием Конституции, формированием двухпалатного парламента (Конгресса и Сената Балтоскандии), четырех единых министерств (иностранных дел, обороны, финансов и коммуникации) и присвоения шведскому королю титула императора Балтоскандии [14, р. 63–66]. Однако правительство Швеции, которая являлась ключевым региональным игроком, не продемонстрировала к проекту никакого интереса из-за, во-первых, неуверенности в будущем государственности стран Балтии и нежелания связывать себя какими-либо обязательствами в политически нестабильном регионе, во-вторых, отсутствия экономической основы объединения, и, в-третьих, различных путей политического (демократические системы стран «группы Осло»² и авторитарные режимы государств Балтии)

¹ Подробнее о проектах регионального строительства в Балтийском регионе в межвоенный период см.: *Воротников В. В.* Страны Балтии в поисках региональной идентичности (Глава 15) // *Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925: Коллективная монография* / [Н. Ю. Васильева и др.]; под ред. А. В. Ревякина. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. — С. 290–304.

² «Группа Осло» — условное название государств, подписавших 22 декабря 1930 г. т. н. Конвенцию Осло, в которой её

и социально-экономического развития (именно в те годы закладывались основы «государства всеобщего благоденствия» скандинавского типа).

Проекты региональной интеграции получили реальное воплощение позднее – в виде «северного сотрудничества», институциональная основа которого начала создаваться уже в 1950-е гг.³, и в инициативах общебалтийского сотрудничества уже после окончания «холодной войны». Интересно, что именно к периоду блокового противостояния относится и формирование одного из секторальных, но притом наиболее успешных форматов общерегионального взаимодействия – Конвенции об охране окружающей среды Балтийского моря (Хельсинкской конвенции)⁴.

Немалое значение для сохранения внутрирегиональных контактов, как это ни парадоксально в условиях «холодной войны», сыграли культурные связи национальных диаспор прибалтийских республик. Так, на 1952 г. в Германии (и Австрии) проживали 28,1 тыс. латышей, 11,1 тыс. литовцев, 7,5 тыс. эстонцев; в Швеции – 3,9 тыс. латышей, около 400 литовцев, 22,5 тыс. эстонцев [2, с. 134]. Причем размеры этих диаспор оставались фактически неизменными до конца «холодной войны» [15].

Кроме того, нельзя не отметить особое значение контактов между советской Эстонией и Финляндией. Еще в 1965 г. финские граждане получили возможность посещать Эстонию, а в 1982 г. в Хельсинки было основано финско-эстонское общество дружбы “Tuglas”, существующее и сегодня [12]. К слову, эта организация оказала значимую поддержку эстонским общественным деятелям в ходе событий 1989–1991 гг.⁵

Наконец, в 1970–1990 гг. эстонское население имело возможность смотреть финское телевидение (6 каналов), которое стало для него своеобразным «окном на Запад». Бывший президент Эстонии (2006–2016 гг.) Т. Х. Ильвес отмечал: «Мы смотрели финское телевидение и видели, что демократические выборы возможны» [6]. Это, безусловно, имело большое значение для общественно-политической жизни в республике – в особенности в годы гласности и перестройки, и, возможно, сыграло свою роль в том, что «парад суверенитетов» начался в 1988 г. именно с Эстонии. Характерно, что первый секретарь ЦК Компартии Эстонии (1978–1988 гг.) К. Г. Вайно неоднократно требовал запретить вещание финского телевидения в республике [13].

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Сегодня регион Балтийского моря отличается экономической и политической неоднородностью, что связано в первую очередь с историей развития относящихся к нему стран и определяет специфические черты их современной внешней политики и внешнеэкономической деятельности. Так, Исландия и Норвегия не входят в Европейский союз, оставаясь в то же время участниками ЕАСТ и, соответственно, действующего с 1994 г. Единого экономического пространства с ЕС (свободное движение людей, товаров, услуг, капитала), имея обширные возможности получать финансирование из Брюсселя, участвуя в общих с североευропейскими партнерами проектах (например, в области инновационного развития). Дания, Швеция и Польша, входя в ЕС, не являются членами зоны евро и выступают против углубленной интеграции в сфере ЭВС (последнее особенно актуально в свете высоковероятного Брексита). Кроме того, Финляндия и Швеция не входят в НАТО, продолжая придерживаться политики неприсоединения к военно-политическим блокам, хотя фактически последние десятилетия

участники (Бельгия, Дания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швеция; Финляндия присоединилась к ней в 1933 г.) заявляли о необходимости более тесного экономического сотрудничества и усиления экономической роли малых стран на мировом рынке. Впоследствии эти страны высказывались за нейтралитет при возникновении военного конфликта в Европе.

³ В 1952 г. Дания, Исландия, Норвегия и Швеция создали Северный Совет (в 1955 г. в него вошла Финляндия). В 1962 г. начало действовать так называемое «Хельсинкское соглашение», согласно которому упомянутые страны обязались сотрудничать между собой вне зависимости от участия в других интеграционных проектах. Наконец, в 1971 г. был учрежден Совет министров северных стран.

⁴ ХЕЛКОМ является руководящим органом «Конвенции по защите морской среды Балтийского моря» (Хельсинкская конвенция). Конвенция была впервые подписана в 1974 г. Данией, Финляндией, ГДР, ФРГ, Польшей, Швецией и СССР и вступила в силу в 1980 г. С распадом биполярной системы была обновлена и вновь подписана в 1992 г. Данией, ЕЭС, Латвией, Литвой, Польшей, Россией, Финляндией, ФРГ, Швецией и Эстонией; вступила в силу в 2000 г.

⁵ *Kiviloog J. Relations between Estonians and Finns in Changing Times // International Centre for Defence and Security. – June 10, 2016. – URL: <https://icds.ee/relations-between-estonians-and-finns-in-changing-times/>*

наращивает сотрудничество с НАТО, а Швецию еще в годы «холодной войны» называли тайным «семнадцатым членом» Альянса (о чем подавляющая часть ее населения в те годы даже не имела представления) [10, p. 103–104].

Основные структуры взаимодействия в РБМ можно условно разделить на те, которые объединяют все страны региона на межправительственном уровне, и те, которые институционально не включают Россию (хотя и могут ее косвенно затрагивать как объект политики выравнивания уровня социально-экономического развития приграничных регионов ЕС). К первым можно отнести Совет государств Балтийского моря (СГБМ), политику «Северного измерения» и Хельсинкскую комиссию по защите окружающей среды Балтийского моря (HELCOM). Ко вторым – разнообразные внутриевропейские механизмы: от различных форматов координации политик стран Северной Европы и Балтии (NB8, NB8+1, NB3+3, Балтийская ассамблея, Северный Совет, Северный совет министров) до Стратегии ЕС для региона Балтийского моря. Последняя является первым (принята в 2009 г.) в своем роде документом макрорегионального стратегического планирования, и финансирование реализации ее целей может осуществляться через разные финансовые инструменты и программы (к примеру, Интеррег, Европейского инструмента соседства). Стоит упомянуть и активное развитие приграничного и трансграничного сотрудничества. В РБМ сегодня существует 23 еврорегиона, 12 из которых включают участников из государств, не входящих в ЕС (Белоруссия, Норвегия, Россия⁶).

СГБМ был создан в 1992 г. как неформальный многосторонний региональный политический форум для укрепления интеграционных процессов в регионе. Членами СГБМ являются 11 государств: Дания, ФРГ, Польша, Россия, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия и Исландия, а также Европейская Комиссия. Кроме того, статус наблюдателя имеют Италия, Испания, Румыния, Словакия, Украина, Белоруссия, Франция, Нидерланды, Великобритания и США.

Деятельность СГБМ осуществляется практически во всех сферах, кроме «жесткой» безопасности и обороны, в том числе защита окружающей среды, морская политика, транспорт и логистика, энергетика, устойчивое социально-экономическое развитие, ГЧП, приграничное сотрудничество, здравоохранение, борьба с организованной преступностью, культура, образование, туризм и т. д. В Декларации по случаю 25-й годовщины создания СГБМ, принятой 20 июня 2017 г. в Рейкьявике, в качестве приоритетных направлений были выдвинуты следующие: устойчивое развитие, молодежь, торговля людьми, защита детей, гражданская защита в условиях стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций⁷.

В начале 1990-х гг. Совет государств Балтийского моря рассматривался странами-участницами как диалоговый формат для преодоления постбиполярной конфронтационности в регионе Балтийского моря. Постсоветские государства (Россия, страны Балтии) в условиях нехватки собственных средств надеялись получить финансирование (пусть и ограниченное) проектов реновации транспортной (Via Baltica), инженерной (например, строительство очистных сооружений в Санкт-Петербурге, Риге), рекреационной и туристической инфраструктуры, образовательных инициатив («Еврофакультет»). Западные партнеры рассматривали эту платформу как дополнительный механизм демократизации общественно-политической жизни на восточном побережье Балтийского моря, а также обеспечения устойчивого экологического развития региона (к примеру, наблюдение за экологическим состоянием районов захоронений немецкого химического оружия). С годами СГБМ превратилось в сложносоставную структуру, служащую как для точечного регулирования проблемных вопросов (гражданская защита и ядерная и радиационная безопасность, борьба с торговлей людьми и организованной преступностью, вопросы устойчивого развития и т. д.), так и координации деятельности нескольких десятков неправительственных инициатив и многосторонних форумов, действующих в регионе Балтийского моря.

Основной формой реализации проектов СГБМ являются так называемые «горизонтальные действия», то есть прямое («сетевое») сотрудничество местных органов власти, НПО,

⁶ До 2020 г. действует семь программ приграничного сотрудничества, в которых принимает участие Россия: «Коларктик» (Россия – Финляндия – Швеция – Норвегия), «Юго-Восточная Финляндия – Россия», (Россия – Финляндия), «Карелия» (Россия – Финляндия), «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Литва», «Россия – Польша». Общий объем финансирования программ составляет 260,6 млн евро, из них Россия вносит 89 млн евро. Кроме того, Россия вовлечена в реализацию двух программ трансграничного сотрудничества: «Регион Балтийского моря», «Северная периферия и Арктика».

⁷ Declaration on the Occasion of the 25th Anniversary of the Council of Baltic Sea States. – Reykjavík, 20 June 2017. – URL: <https://www.cbss.org/wp-content/uploads/2017/06/The-Reykjavik-Declaration.pdf>

предпринимателей (к примеру, созданная в 1993 г. Организация по субрегиональному сотрудничеству в регионе Балтийского моря координирует проекты более 100 субрегионов). При этом ключевым отличием Совета от двух других действующих в регионе инициатив («Северное измерение» и Стратегия ЕС в отношении РБМ) является то, что участвуя в его работе, страны региона сохраняют свое «индивидуальное лицо», выступая с национальных позиций, тогда как два других формата, будучи продуктом общеевропейской политики, основываются на наличии общей для всех стран ЕС позиции.

СГБМ является «зонтичной» структурой, которая, будучи межправительственным форумом, не обладающим наднациональными полномочиями, в то же время аккумулирует деятельность возникших под её эгидой с начала 1990-х гг. нескольких десятков рабочих структур и инициативных экспертных групп между профильными ведомствами государств-членов. Группы/сети/другие форматы сотрудничества – это лишь часть механизмов многостороннего взаимодействия в регионе, который нередко характеризуется зарубежными исследователями как «институциональный кошмар» или «позитивный беспорядок» [3, с. 83]. Как представляется, наиболее удачно структуру взаимодействия интеграционных объединений и инициатив в регионе Балтийского моря описали немецкие исследователи Т. Этцолд и С. Гэнцле: «РБМ можно видеть домом, в котором крышей является общее сотрудничество на Балтийском море, касающееся совместных проблем, вызовов и возможностей в регионе. Различные структуры и уровни регионального взаимодействия – опоры этой крыши. Стратегия ЕС и «Северное измерение» выступают подпорками: первая выполняет функцию внутренней политики ЕС в СБМ, а вторая – внешнего взаимодействия ЕС с Россией и внешним миром, то есть с расширенной Северной Европой и даже дальше. СГБМ же... является несущей опорой в самом центре дома. Вокруг неё располагаются несколько меньшие в диаметре опоры – СБЕР, СМСС, ХЕЛКОМ, межпарламентское сотрудничество..., межправительственное и транснациональное сотрудничество... В каждую из них встроены государства или акторы, не входящие в Евросоюз. Эти опоры дополняют друг друга и укрепляют конструкцию. Все опоры необходимы для РБМ – возможно одни в большей, другие – в меньшей степени. Если одна сломается, вся конструкция окажется неустойчивой и может рухнуть» [9, р. 62].

В целом можно отметить относительную успешность СГБМ как механизма координации при реализации проектов, в отношении которых есть взаимная заинтересованность основных региональных игроков. Хотя с российским участием были успешно реализованы несколько крупных проектов («Еврофакультет» в Калининграде и Пскове, Программа партнерства для модернизации на Юго-востоке Балтийского моря (СЕВА), Пилотная финансовая инициатива⁸), в то же время не стоит преувеличивать возможности платформы СГБМ для решения неудобных политических вопросов. К примеру, в 1990-е – начале 2000-х гг. Совет отстранился от «калининградской проблемы» (как неясных перспектив социально-экономического развития российского эксклава, так и вопроса «калининградского транзита»), проблемы нарушения прав русских и русскоязычных в Латвии и Эстонии, несмотря на то, что гуманитарные вопросы традиционно занимают значимую часть в актуальной повестке СГБМ, а в 1994 г. по инициативе России в рамках СГБМ была даже создана должность комиссара по демократическому развитию, в компетенцию которого входила в том числе и проблематика национальных меньшинств. С начала 2000-х гг. западные партнеры (причем не только страны Балтии, но и Швеция, Финляндия, Польша, Дания) стали использовать площадку СГБМ для обвинения России в нарушении экологических норм в бассейне Балтийского моря с целью недопущения реализации крупных международных энергетических проектов («Северный поток» и «Северный поток-2»).

Кроме того, у каждого участника Совета имеется собственное видение его места (как, впрочем, и самого региона Балтийского моря) во внешнеполитических приоритетах. Наконец, Стратегия ЕС в отношении РБМ и программа «Северное измерение» рассматриваются в Брюсселе как проекты, достаточные для обеспечения развития региона. Характерно, что в Стратегии ЕС в отношении РБМ Балтийское море, по сути, представлено как «внутреннее» море ЕС. Однако именно на её основе Брюссель выстраивает свою макрорегиональную политику.

⁸ В 2011–2012 гг. в период немецкого и российского председательства были созданы Пилотная финансовая инициатива (*Pilot Financial Initiative*) для поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в сфере ГЧП (110 млн евро ежегодно в течение 2013–2015 гг.) и Инструмент поддержки проектов СГБМ (CBSS Project Support Facility) в размере 1 млн евро на 2013–2015 гг. В задачи последнего входит финансовая поддержка транснациональных проектов (софинансирование на сумму от 10 до 65 тыс. евро) в таких сферах, обеспечивающих устойчивое развитие региона, как охрана окружающей среды, экономическое развитие, энергетика, образование и культура, гражданская безопасность и человеческое измерение. За 2013–2016 гг. всего было профинансировано 23 проекта.

Согласно определению Европейской комиссии, макрорегион представляет собой пространство, включающее территорию нескольких различных стран или регионов, связанных одной или более общими характеристиками или проблемами. Макрорегиональный подход позволяет определить общие потребности участников региона и добиться дополнительных преимуществ в их осуществлении за счет развития нераскрытого потенциала региона, объединения и более эффективного использования уже имеющихся ресурсов. В отличие от традиционного регионального или субрегионального сотрудничества концепция макрорегионального сотрудничества ЕС является менее формализованной, так как предполагает всестороннюю взаимосвязь между различными уровнями сотрудничества без сохранения четкой иерархии.

«Полигоном» для тестирования нового подхода ЕС к региональному сотрудничеству стал регион Балтийского моря. Для углубления интеграции региона с перспективой усиления его конкурентных позиций в Европе и превращения в глобального экономического игрока в июне 2009 г. Еврокомиссия приняла Стратегию ЕС для региона Балтийского моря (СРБМ) и План действий по ее реализации. Согласно Стратегии, в регион вошли восемь стран – членов ЕС: Германия, Дания, Латвия, Литва, Польша, Финляндия, Швеция и Эстония. При этом еще в рабочем документе Еврокомиссии, представленном до опубликования Плана действий СРБМ отмечалось, что, несмотря на важность развития сотрудничества с партнёрами по региону (Исландией, Норвегией, Россией), стратегия является исключительно внутренним документом ЕС и «не может служить руководством для третьих сторон»⁹. Для охвата внешнего измерения и взаимодействия с третьими странами предлагалось развивать сотрудничество в рамках существующей политики «Северного измерения». Изначально СРБМ была призвана усилить внутреннюю опору «Северного измерения», однако по мере развития Стратегия все больше замыкалась на членах ЕС, и ее связь с «Северным измерением» ослабла.

В основу построения СРБМ был положен принцип «трех нет»: для ее реализации не должны приниматься новые законодательные акты, создаваться новые фонды для финансирования и новые институты. Изначально СРБМ должна была охватывать исключительно вопросы экологии Балтийского моря, но по мере составления документа было принято решение о включении в него положений, затрагивающих экономические вопросы, вопросы безопасности и совершенствования инфраструктуры. В Планах действий по реализации Стратегии от 2009 г. в четырех разделах определены приоритетные области, которые конкретизируются по 15 основным задачам, включающим 76 флагманских проектов по их достижению. При этом каждую из задач курирует одна из стран региона Балтийского моря. Первый раздел предполагает улучшение состояния окружающей среды Балтийского региона, и в этой связи особое внимание в СРБМ уделяется деятельности Хельсинской комиссии (ХЕЛКОМ) и Природоохранному партнёрству «Северного измерения» (ППСИ). Второй раздел стратегии нацелен на повышение уровня экономического развития региона, в рамках которого все силы и ресурсы будут направлены на «устранение препятствий на внутреннем рынке», «использование потенциала региона в исследовательской и инновационной областях», «принятие закона о малом бизнесе», «содействие устойчивому развитию сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства»¹⁰. Третий раздел призывает превратить регион Балтийского моря в доступное и привлекательное место путём улучшения доступа к рынкам энергоносителей, совершенствования уровня образования, науки, здравоохранения и модернизации транспортного сообщения. Четвертый в качестве основополагающей цели провозглашает обеспечение безопасности и надежности в регионе. Стратегия, помимо всего прочего, содержит также раздел, посвященный «горизонтальным» действиям по укреплению многоуровневого управления и регионального единства, что ранее хорошо зарекомендовало себя в рамках «северного сотрудничества».

Обозначив список приоритетов, Еврокомиссия сохранила возможность его корректировки для повышения эффективности макрорегиональной политики в условиях меняющихся обстоятельств. Так, План действий пересматривался в 2010, 2013 и 2015 гг. Четыре приоритетных области были преобразованы в три основные цели: спасти море, соединить регион и повысить благосостояние. Одновременно количество задач было увеличено с 15 до 17, а количество горизонтальных действий уменьшено с 10 до 4.

⁹ Commission staff working document concerning the EU Baltic Sea region strategy. Action plan / European Commission. – Brussels, 2009. – URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/action_2009_en.pdf

¹⁰ Ibid.

По итогам 10 лет функционирования Стратегии Брюссель оценивает достигнутые результаты как положительные. По данным на 2017 г., в рамках стратегии было осуществлено 77 флагманских проектов, еще 94 находятся в стадии выполнения [8]. Балтийский регион является признанным примером успешного транснационального взаимодействия и кооперации, где тесное сотрудничество идёт наиболее активными темпами, давая конкретные позитивные результаты как для отдельных стран, так и для региона в целом. Однако существует ряд управленческих, политических и экономических вызовов и проблем, с которыми на сегодняшний день сталкивается балтийский регионализм.

К управленческим можно отнести проблемы, проистекающие из особенностей макрорегионального подхода в целом и самой Стратегии в частности. Во-первых, при обсуждении эффективности воплощения стратегии неоднократно поднималась проблема лидерства. Часть государств региона выступает за «сильное лидерство» в лице Еврокомиссии, которая в условиях нарастающих кризисных явлений в ЕС перегружена и не способна в полной мере руководить макроэкономическими программами. В свою очередь, Еврокомиссия позиционирует себя лишь как посредника, критикует участников проектов за недостаточную приверженность идеям стратегии и призывает их повысить степень собственной вовлеченности и ответственности. В результате вопросы реализации стратегии передаются на уровень национальных правительств и даже местного самоуправления, хотя очевидно, что многие из задач, поставленных документом, могут быть решены только при участии руководства ЕС.

Во-вторых, существует проблема чрезмерно большого количества политических программ и целей, успешное осуществление которых одновременно просто не представляется возможным. В стремлении предложить максимально комплексную программу для развития региона создатели стратегии также не смогли избежать пересечения задач с уже существующими институтами и организациями в регионе, что зачастую приводит к распылению имеющихся ресурсов.

В-третьих, ввиду сложности архитектуры управления бывает трудно определить, кто является донором, а кто адресатом макрорегиональной политики, как следствие в ходе реализации проектов возникает координационная напряженность. Кроме того, разработчики Стратегии ЕС для региона Балтийского моря отказались от идеи создания специализированных институтов для его реализации, однако сегодня вопрос институционального оформления политики ЕС в отношении региона стал в контексте РБМ одним из наиболее обсуждаемых. Изначально предполагалось, что опорой СРБМ станут уже существующие региональные структуры (Совет государств Балтийского моря, «Северное измерение», ХЕЛКОМ), но по мере выявления проблемных мест в стратегии внутри ЕС всё чаще стали звучать голоса о необходимости учреждения её собственных институтов. Итогом дискуссий на тему институционализации деятельности в рамках стратегии стало проведение с 2010 г. ежегодных Форумов СРБ с участием политиков, учёных, экспертов, представителей неправительственных организаций, органов местного самоуправления и т. д. По результатам каждого форума принимающая сторона выпускает документ, содержащий в себе рекомендации по реализации стратегии.

Наконец, серьезнейшей проблемой является исключительно внутренняя направленность СРБМ и неучастие в ней России, несмотря на то что в тексте стратегии неоднократно подчеркивается трансграничный характер вызовов и угроз, перед которыми стоит регион. Достижения стратегии находятся в непосредственной зависимости от России, однако её разработчики предпочли не акцентировать внимание на сотрудничестве с ней (в частности, в вопросах энергетической безопасности, инновационного развития, борьбы с трансграничной преступностью) и сделали всё, чтобы вывести Россию за рамки регионального планирования. Оставляя другие государства РБМ, не являющиеся членами Евросоюза, и прежде всего Россию «за рамками» регионального планирования, ЕС демонстрирует подход к РБМ как к внутреннему региону и тем самым лишает его нового импульса развития и перспектив превращения в глобального экономического игрока.

Среди главных политических вызовов авторы отчета о политическом состоянии региона за 2018 г. под названием «Гибкая Европа – что это означает для региона Балтийского моря?» [5] (эти ежегодные отчеты готовятся при поддержке датской НПО «Балтийский форум развития» – *Baltic development forum*) выделяют растущий евроскептицизм, кризис модели гибкой интеграции и либеральной демократии. Последнее время интеграционные проекты ЕС сталкиваются с серьезным кризисом легитимности, наблюдается рост правых, популистских партий и национализма. Наиболее остро эта проблема стоит в Польше, чуть менее выражена

в североевропейских странах и государствах Балтии. Кроме того, страны региона видят источник разобщенности и разногласий в концепции гибкой интеграции. Чрезмерная гибкость приводит к тому, что ответственность и бремя проводимого политического курса неравномерно распределяются между странами, в то время как дивидендами от общей политики пользуются все. Это порождает чувства несправедливости и недоверия и существенным образом мешает дальнейшему укреплению связей внутри региона и достижению целей, провозглашенных в СРБМ.

Несмотря на мировой финансово-экономический кризис, больно ударивший по экономикам европейских стран, экономики РБМ (за исключением Дании) последнее десятилетие демонстрировали большие темпы экономического роста, чем в среднем по ЕС. Неотъемлемой частью такого успеха стала углубленная интеграция как внутри самого региона, так и в ЕС в целом, вызвавшая рост трансграничных потоков товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Несколько сократились социально-экономические диспропорции между североевропейскими странами и постсоциалистическими Польшей и странами Балтии (см. *Таблицу 1*). Причем, хотя последние формально, с учетом их членства в ведущих евроатлантических структурах (включая ОЭСР), причисляют к развитым экономикам, исследователи продолжают характеризовать их исключительно как развивающиеся экономики (*emerging markets*).

Таблица 1

**Соотношение ВВП по ППС на душу населения в странах РБМ
к общеевропейскому (ЕС-28=100%; в %)**

	2004 г.	2017 г.		2004 г.	2017 г.
Германия	119,5	123,7	Норвегия	159,5	146,3
Дания	123,6	127,9	Польша	50,1	69,5
Исландия	133,4	130,2	Финляндия	116,8	109,0
Латвия	45,8	66,8	Швеция	126,0	120,9
Литва	48,9	78,2	Эстония	54,0	78,8

Источник: Eurostat.

Тем не менее, несмотря на высокий уровень взаимозависимости экономик региона, за последние годы произошло снижение доля региональных партнеров в торговом балансе балтийских стран. Так, в 2014 г. 56 % импорта Дании, 72 % – Латвии, 57 % – Литвы, 47 % – Польши, 61 % – Финляндии, 52 % – Швеции и 74 % – Эстонии приходилось на страны региона. Соответствующие данные по экспорту: Дания – 57 %, Латвия – 76 %, Литва – 66 %, Польша – 45 %, Финляндия – 57 %, Швеция – 49 %, Эстония – 81 %. Для Германии эти показатели были равны, соответственно, 13 % и 15 % [7, р. 54]. Тогда как в 2018 г. эти цифры уменьшились в среднем на 10–15 % (см. *Таблицы 2, 3*), что может говорить, с одной стороны, о внешнеэкономической диверсификации стран региона, с другой стороны, о вероятном достижении экономического предела регионализации.

Таблица 2

Доля импорта в страны РБМ от общего импорта стран региона, 2018 г., %

В/из	Германия	Дания	Исландия	Норвегия	Швеция	Финляндия	Латвия	Литва	Эстония	Россия	Польша	РБМ
Германия		1,2	0,0	1,2	1,5	0,8	0,1	0,2	0,1	3,3	5,1	13,5
Дания	17,6		0,1	5,1	9,8	1,4	0,6	0,8	0,4	1,8	3,9	41,5
Исландия	8,7	6,3		11,5	4,3	1,0	0,7	1,0	0,6	0,6	2,3	37,0
Норвегия	10,8	5,5	0,4		12,1	2,3	0,4	1,2	0,8	2,3	3,4	39,2

Швеция	17,9	7,1	0,0	8,6		4,8	0,6	0,9	1,0	3,2	4,0	48,1
Финляндия	15,5	2,4	0,0	2,9	10,8		0,4	0,7	3,0	14,0	3,1	49,8
Латвия	10,6	2,0	0,0	0,5	3,2	4,4		17,5	7,7	8,2	8,9	63,0
Литва ²⁰¹⁷	12,3	1,7	0,0	1,6	3,9	2,6	7,2		3,2	12,6	10,7	55,8
Эстония	10,4	1,8	0,0	0,6	8,8	12,9	8,5	9,7		8,7	6,0	67,4
Россия ²⁰¹⁷	12,0	0,5	0,0	0,3	1,0	1,8	0,2	0,2	0,3		2,4	18,7
Польша	22,4	1,1	0,1	1,1	1,9	0,7	0,2	0,8	0,1	7,4		35,9

Источники: статистические ведомства государств. Данные по 2018 г. недоступны на сайтах Росстата и Департамента статистики Литвы.

Таблица 3

Доля экспорта товаров в страны РБМ в общем экспорте стран региона, 2018 г., %

Из/в	Германия	Дания	Исландия	Норвегия	Швеция	Финляндия	Латвия	Литва	Эстония	Россия	Польша	РБМ
Германия		1,5	0,1	0,6	2,0	0,8	0,1	0,3	0,1	1,9	4,8	12,2
Дания	12,7		0,5	5,9	10,2	1,9	0,3	0,5	0,3	0,7	2,8	35,8
Исландия	6,0	2,3		5,4	0,5	0,2	0,1	0,8	0,0	1,2	1,2	17,7
Норвегия	15,9	4,6	0,6		6,7	1,7	0,1	0,6	0,2	0,2	2,2	32,8
Швеция	10,9	6,9	0,3	10,5		7,0	0,3	0,7	0,9	1,4	3,3	42,2
Финляндия	15,1	1,9	0,1	2,7	10,3		1,0	0,9	2,7	5,2	2,7	42,6
Латвия	7,0	4,4	0,2	2,2	7,4	2,4		16,0	11,5	9,1	4,0	64,2
Литва ²⁰¹⁷	7,3	2,5	0,0	2,8	4,8	1,7	9,9		5,0	14,8	8,1	56,9
Эстония	6,3	3,3	0,2	0,6	10,9	15,9	9,6	5,5		6,1	2,2	60,6
Россия ²⁰¹⁷	8,3	1,0	0,0	0,3	0,6	2,8	1,0	0,9	0,5		3,8	19,2
Польша	28,2	1,7	0,1	1,2	2,8	0,9	0,6	1,5	0,5	3,1		40,6

Источники: статистические ведомства государств. Данные по 2018 г. недоступны на сайтах Росстата и Департамента статистики Литвы.

ВЫВОДЫ

Регионализация, наряду с глобализацией, модернизацией и интеграцией, является ключевым трендом, определяющим облик международных отношений в современном мире. Сотрудничество государств на региональном уровне приобретает всё возрастающее значение для мирового развития и становится его неотъемлемой частью. В регионе Балтийского моря ей способствовало наличие культурно-исторического наследия Ганзейского союза, первых и как следствие неудачных попыток регионального строительства в межвоенный период, успешного опыта «северного сотрудничества», но настоящим импульсом регионального строительства стал регионализм – политическая воля руководства стран региона в постбиполярный период к созданию и укреплению регионального единства ради защиты общих, выходящих за рамки национальных, интересов и противостояния вызовам и угрозам, обретшим транснациональный характер. Именно при совмещении этих двух явлений – регионализации и регионализма – сложился трансграничный Балтийский регион, имеющий не до конца определённые пространственные границы, объединённый сложной системой межправительственных и горизонтальных связей, имеющий в своей основе взаимную экономическую заинтересованность и интенсивную внутрирегиональную торговлю.

В случае Европейского союза, формирование макрорегиональных стратегий стало попыткой углубить сотрудничество и усилить социально-экономическую сплочённость в долгосрочной перспективе без пересмотра основополагающих договоров. Макрорегион стал инструментом реализации целей социальной и экономической интеграции ЕС на

пространстве, характеризующимся значительным разнообразием в экономическом, культурном и экологическом планах. Стратегия для региона Балтийского моря стала «пилотным» проектом Брюсселя в этой области.

Что касается сценариев её дальнейшего развития, то наиболее вероятными представляются два варианта [8]. Согласно первому сценарию, страны региона и ЕС будут и дальше соблюдать принципы «трех нет», что позволит укрепить существующие практики и сохранить наработанный потенциал. Текущий широкий спектр задач и проектов претерпит лишь минимальные изменения, а повышение эффективности стратегии будет достигнуто за счет опыта, накопленного участниками стратегии (институтами ЕС, региональными организациями, местными органами власти, мозговыми центрами и т. д.). Второй сценарий предусматривает достаточно радикальные изменения стратегии: формулирование новых целей с акцентом, например, только на решении экологических проблем и проблем судоходства, с последующим урезанием задач. В результате СРБМ может быть официально интегрировано в региональную политику ЕС (политику сплочения) и в программы трансграничного сотрудничества. В настоящий момент идет процесс формирования долгосрочного бюджета ЕС на 2021–2027 гг. (*Multiannual Financial Framework 2021–2027*). Структура бюджета еще не определена, однако сэкономленные средства по различным программам ЕС и средства от перераспределения финансирования могут быть направлены на развитие макрорегиональных стратегий. Однако ввиду предполагаемого сокращения статьи расходов на региональную политику с 34 до 29 % будет наблюдаться сокращение ресурсов политики сплочения, что в случае интеграции в нее макрорегиональных проектов может негативно сказаться на реализации программ сотрудничества внутри балтийского макрорегиона, несмотря на достигнутые успехи и в целом благоприятный прогноз развития в краткосрочной перспективе¹¹.

Вместе с тем приоритет в многостороннем сотрудничестве в РБМ, безусловно, принадлежит Совету государств Балтийского моря, тогда как с точки зрения европейской политической практики основным инструментом регионализации является Стратегия ЕС для региона Балтийского моря, несмотря на то что в ней Балтийское море, по сути, представлено как «внутреннее» море ЕС, а Россия выведена за рамки региона и упоминается крайне редко, лишь как объект деятельности стран-участниц. Однако и на политическом, и на экспертном уровнях присутствует понимание того, что развитие региона невозможно без России, а СГБМ сохраняет роль платформы сотрудничества России и заинтересованных стран ЕС в условиях системного кризиса в отношениях. Именно поэтому Совет государств Балтийского моря будет и далее оставаться важнейшей институциональной основой многостороннего взаимодействия в Балтийском регионе, предоставляющей возможность деполитизированного диалога России с западными партнерами и решения конкретных задач в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. А., Косов Ю. В. Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 142–155. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-2-8.
2. Кабузан В. М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). – М.: Институт российской истории РАН, 2009. – 151 с.
3. Кулик С. Россия в Балтийском лабиринте. – М.: Институт современного развития, 2013. – 217 с.
4. Штенцель А. История войн на море. В 2-х т. Том 1. – М.: Изобрафус; ЭКСМО-Пресс, 2002. – 704 с.
5. 2018 Political State of the Region Report: Flexible Europe – What Does It Mean For The Baltic Sea Region? / Ed. by Per Carlsen. – Baltic Development Forum, 2018. – URL: http://www.bdforum.org/wp-content/uploads/2018/04/2018_PoliticalRep_v2_lowRES-5.pdf
6. Axe K. Finnish ads, Estonian TVs: external cultural roots of elite neoliberal consensus in transitional Estonia. [Master's thesis]. – Tartu University, 2015. – 93 p. – URL: http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/47325/axe_kevin_ma_2015.pdf

¹¹ К примеру, наиболее общие оценки конкретных экономических последствий Брексита показывают, что экономические/финансовые потери стран Северной Европы и Балтии выразятся в краткосрочном периоде не более чем в 0,3–1,5 п. п. роста ВВП в год.

7. Baltic Visions. European Cooperation. Regional Stability / Ed. by K. Redłowska. Ministry of Foreign Affairs of Poland. – Warsaw, 2015. – 94 p.
8. Better together. 10 years of the EU Strategy for the Baltic Sea Region. EUSBSR Anniversary Publication / Ministry of Foreign Affairs. – Warsaw, 2019. – 75 p. – URL: https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591073/EUSBSR%20Anniversary%20Publication_Better%20Together.pdf
9. Creating a Coherent Framework for Baltic Sea Cooperation – «Political State of the Region Report 2012» / Konrad Adenauer Stiftung; Baltic Development Forum. – Copenhagen, 2012. – 74 p. – URL: http://www.bdforum.org/cmsystem/wp-content/uploads/BDF_PSoRR_Political_2012_09.pdf
10. *Dahl A.-S.* US Policy in the Baltic Region During the Cold War and After. – Sweden: Santerus Academic Press, 2008. – 114 p.
11. *Jaanson K.* The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the inter-war period // *Journal of Baltic Studies*. – 2001, Fall. – Volume 32, No. 3. – P. 267–288.
12. *Lauren K.* Facing the Otherness: Crossing the Finnish Soviet Estonian Border as Narrated by Finnish Tourists // *Culture Unbound*. – 2014. – Vol. 6. – P. 1123–1143. – URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a62/cu-14v6a62.pdf>
13. *Lepp A., Pantti M.* Window to the West. Memories of Watching Finnish Television in Estonia during the Soviet Period // *VIEW Journal of European Television History and Culture*. – 2012. – Vol. 3. – Issue 2. – P. 76–86.
14. *Pakštas K.* The Baltoscandian Confederation. – Vilnius: Versus Aureus, 2005. – 78 p.
15. *Tammaru T., Kumer-Haukanõmm K., Anniste K.* The Formation and Development of the Estonian Diaspora // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – August 2010. – Vol. 36, No. 7. – P. 1157–1174. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/1cdb/d6a67b604cd65bf4b4a08f554e6e0d90ada5.pdf>

VLADISLAV VOROTNIKOV, ALEXANDER CHEKOV,
UL'YANA YAKUTOVA

REGION-BUILDING IN THE BALTIC REGION: LEGACY OF THE INTER-WAR PERIOD AND MODERN DYNAMICS

Vladislav V. Vorotnikov, PhD (History);
Senior Research Fellow, Centre for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Associate Professor, Department for European
and American Studies, MGIMO-University;
Leading Research Fellow,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Alexander D. Chekov
Lecturer, Department of International Relations
and Foreign Policy of Russia, MGIMO-University;
Research Fellow, Centre for European Studies, Institute
for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Ul'yana V. Yakutova
Expert, Centre for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: uliana.postnikova@gmail.com

Summary. The article is devoted to the analysis of historical retrospective and modern dynamics of region-building in the Baltic region. The cultural and historical foundation of regionalization processes in this area was laid over the centuries, although the framework was finally shaped in the 20th century: the Hanseatic League, the first attempts to create regional unions during the interwar period, the “northern cooperation” and the signing of the Helsinki Convention during the Cold War. In the post-bipolar period, the Baltic region continues to maintain its political and socio-

economic heterogeneity. Today, the key institution of multilateral cooperation uniting all countries of the region is the Council of the Baltic Sea States, whereas, from the EU perspective, the main self-sufficient instrument of regionalization is the EU Strategy for the Baltic Sea Region. At the same time, both formats rely in specific projects implementation on “horizontal actions” and network cooperation on the grass-roots level, which makes regional interaction practical to the greatest possible extent, largely depoliticized and stable in the long run.

Keywords: Baltic region, Hanseatic League, regionalization, Council of the Baltic Sea States, CBSS, EU Strategy for the Baltic Sea Region, EUSBSR.

REFERENCES

- Vasil'eva N.A., Kosov Ju.V. Sovremennyye trendy ganzejskikh traditsij v Baltijskom regione [Modern trends of Hanseatic Traditions in the Baltic Region]. *Baltiiskij region*. 2017. Vol. 9. № 2. P. 142–155. – DOI: 10.5922/2074-9848-2017-2-8
- Kabuzan V.M. *Formirovanie mnogonacional'nogo naselenija Pribaltiki (Jestonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoj oblasti Rossii) v XIX–XX vv. (1795–2000 gg.)*. [Formation of the Multinational Population of the Baltic States (Estonia, Latvia, Lithuania, the Kaliningrad region of Russia) in 19th and 20th Cen. (1795–2000)]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN [Institute of Russian History, RAS], 2009. 151 p.
- Kulik S. *Rossija v Baltijskom labirinte* [Russia in the Baltic Labyrinth]. Moscow: Institut sovremennogo razvitija, 2013. 217 p.
- Shtencel' A. *Istorija vojn na more*. V 2-h t. Tom 1. [History of Wars at Sea. In 2 Volumes. Vol. 1] – Moscow: Izografus; JeKSMO-Press, 2002. 704 p.
- 2018 Political State of the Region Report: Flexible Europe – What Does It Mean For The Baltic Sea Region?* / Ed. by Per Carlsen. Baltic Development Forum, 2018. – URL: http://www.bdforum.org/wp-content/uploads/2018/04/2018_PoliticalRep_v2_lowRES-5.pdf
- Axe K. [Master's thesis]. *Finnish ads, Estonian TVs: external cultural roots of elite neoliberal consensus in transitional Estonia*. Tartu University, 2015. 93 p. – URL: http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/47325/axe_kevin_ma_2015.pdf
- Baltic Visions. European Cooperation. Regional Stability* / Ed. by K. Redłowska. Ministry of Foreign Affairs of Poland. Warsaw, 2015. 94 p.
- Better together. 10 years of the EU Strategy for the Baltic Sea Region. EUSBSR Anniversary Publication*. Ministry of Foreign Affairs. Warsaw, 2019. 75 p. – URL: https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591073/EUSBSR%20Anniversary%20Publication_Better%20Together.pdf
- Creating a Coherent Framework for Baltic Sea Cooperation – «Political State of the Region Report 2012»*. Konrad Adenauer Stiftung; Baltic Development Forum. Copenhagen, 2012. 74 p. – URL: http://www.bdforum.org/cmsystem/wp-content/uploads/BDF_PSoRR_Political_2012_09.pdf
- Dahl A.-S. *US Policy in the Baltic Region During the Cold War and After*. Sweden: Santerus Academic Press, 2008. 114 p.
- Jaanson K. The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the interwar period. *Journal of Baltic Studies*. 2001, Fall. Vol. 32. No. 3. P. 267–288.
- Lauren K. Facing the Otherness: Crossing the Finnish Soviet Estonian Border as Narrated by Finnish Tourists. *Culture Unbound*. 2014. Vol. 6. P. 1123–1143. – URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a62/cu14v6a62.pdf>
- Lepp A., Pantti M. Window to the West. Memories of Watching Finnish Television in Estonia during the Soviet Period. *VIEW Journal of European Television History and Culture*. 2012. Vol. 3. Issue 2. P. 76–86.
- Pakštas K. *The Baltoscandian Confederation*. Vilnius: Versus Aureus, 2005. 78 p.
- Tammaru T., Kumer-Haukanõmm K., Anniste K. The Formation and Development of the Estonian Diaspora. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. August 2010. Vol. 36. No. 7. P. 1157–1174. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/1cdb/d6a67b604cd65bf4b4a08f554e6e0d90ada5.pdf>